

МЕЛОДИ
Айн

Королевский

ВЫБОР

Мелоди Лейн

Королевский выбор

«Автор»

2026

Лейн М.

Королевский выбор / М. Лейн — «Автор», 2026

Король Бастьен Орлеанский правил Францией твердой рукой, но его собственное сердце оставалось непокоренным. Окруженный заговорщиками в шелках и льстецами с кинжалами за спиной, он разучился доверять. Во время тайной вылазки в свои владения он встречается ее - Рашель. Девушку с глазами цвета ночи и душой, чистой как родниковая вода. Она не кланяется и не боится говорить ему правду, принимая за обычного дворянина. Она становится его наваждением, его тайной страстью. Желание видеть ее рядом в Версале - чистое безумие, которое может стоить ему короны. Но мысль о том, чтобы отпустить ее, еще мучительнее. Он готов бросить вызов вековым устоям, рискнуть стабильностью трона и развязать войну с аристократией. Ведь королевский выбор - это не только о власти, но и о праве на счастье. А его счастье носит имя простой девушки из народа.

© Лейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глоток свободы. Бастьен	5
Глава 2. Мысли у очага. Рашель	9
Глава 3. Яд Версаля. Бастьен	11
Глава 4. Обещание у костра. Рашель	15
Глава 5. Деликатное поручение. Бастьен	17
Глава 6. Испытание золотом. Рашель	19
Глава 7. Рубиновый свет в хрустале. Бастьен	22
Глава 8. Апельсины и горечь. Рашель	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мелоди Лейн

Королевский выбор

Глава 1. Глоток свободы. Бастьен

Воздух Версаля был пропитан ароматом пудры, воска и тончайшей лжи. Он оседал на ресницах, скрипел на зубах и проникал, казалось, в самую душу, отравляя ее день за днем. Я, Бастьен Орлеанский, король Франции, задыхался в этой роскоши. Каждый шорох атласа за спиной мог означать заговор, каждая улыбка скрывала расчет, каждый поклон был лишь прелюдией к просьбе или угрозе.

Сегодняшний прием у герцогини де Полиньяк стал последней каплей. Ее салон, сверкающий позолотой и гранями хрустальных подвесок, напоминал лавку змеелова. Герцоги и маркизы вились вокруг меня, их речи были слаще нуги, а глаза холоднее зимней стали. Они обсуждали налоги, назначения, брачные союзы, а по сути - делили мою власть, мою страну, мою жизнь. Я кивал, улыбался уголком губ и чувствовал, как внутри закипает глухая, бессильная ярость.

- Ваше Величество, вы кажетесь утомленным, - проворковал рядом маркиз де Лафайет, чьи предки предали не одного короля.

- Я утомился от маскарада, маркиз, - ответил я, глядя поверх его напудренного парика на гобелен, изображавший пасторальную сцену. Там, на вытканном лугу, пастушки и пастухи казались до смешного счастливыми в своей простоте.

Мне нужен был глоток свежего воздуха. Глоток правды.

Едва дождавшись окончания этого фарса, я вернулся в свои покои. Мой камердинер, старый Анри, единственный, кому я еще мог доверять, ждал меня с бокалом вина.

- Прикажете готовить вас ко сну, сир?

Я сбросил парадный камзол, расшитый серебром так густо, что казался кольчугой.

- Нет, Анри. Приготовь мне дорожный костюм. Простой, из темного сукна. И коня. Не из королевской конюшни. Того, что мы купили у нормандского барышника.

Старик не задал ни единого вопроса. Он служил еще моему отцу и понимал, когда королю нужно было перестать быть королем и стать просто человеком.

Через час, под покровом ночи, я уже скакал по дороге прочь от Парижа. На мне был скромный костюм небогатого дворянина, мои длинные волосы, обычно уложенные в сложную прическу, были просто стянуты на затылке кожаным ремешком. Ветер трепал их, бил в лицо, и я впервые за много месяцев дышал полной грудью. Я ехал без цели, просто прочь, туда, где поля сменяли леса, а вместо дворцов стояли скромные крестьянские дома.

К полудню следующего дня, изрядно уставший и проголодавшийся, я оказался у небольшой деревушки, название которой мне было неизвестно. У околицы, под сенью старой ивы, журчал родник, обложенный замшелыми камнями. Я спешил, ведя коня к воде.

И тут я увидел ее.

Девушка, спиной ко мне, набирала воду в деревянное ведро. Простая холщовая рубаха и темная юбка не могли скрыть изящества ее фигуры. Темно-каштановые волосы, не тронутые пудрой, были собраны в небрежную косу, несколько прядей выбились и вились у шеи. Когда она обернулась на стук копыт, я замер.

Ее лицо было не просто миловидным. В нем была жизнь, была сила. А глаза... глаза цвета ночного неба перед грозой. Огромные, темные, и в них не было ни тени страха или подобострастия, к которым я так привык. Она смерила меня прямым, оценивающим взглядом, словно я был не король Франции инкогнито, а заблудившийся торговец.

- Добрый день, мсье, - произнесла она, и ее голос, чистый и звонкий, как вода в роднике, резанул по моему уставшему от придворной лести слуху.

- Добрый день, мадемуазель, - ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более обыденно. - Не будете ли вы так любезны позволить мне и моему коню утолить жажду?

Она кивнула, но не отошла, продолжая наблюдать за мной с нескрываемым любопытством. Я подвел коня к корыту и, пока он жадно пил, зачерпнул пригоршней ледяной, чистой воды. Она была вкуснее любого вина из моих погребов.

- Вы, должно быть, нездешний, - заметила она. Это был не вопрос, а утверждение. — Ваша одежда и... вы сами. Не похожи на наших.

- Я путешествую по делам, - уклончиво ответил я. - Еду из Парижа в поместье своего дяди близ Руана. Зовите меня Бастьен де Валуа.

Я солгал, не моргнув глазом. Имя принадлежало давно угасшему роду, но звучало достаточно благородно.

Она фыркнула, и в ее темных глазах промелькнула насмешливая искорка.

- Париж... Должно быть, там все такие высокомерные, как вы?

Я опешил. Высокомерный? Я, который приложил все усилия, чтобы выглядеть скромным дворянином?

- Прошу прощения? - в моем голосе против воли прорезались ледяные нотки.

- Вы просите разрешения напиться из общего родника, словно оказываете нам великую честь своим присутствием, - пояснила она, ничуть не смутившись. - Эта вода принадлежит Богу и всем добрым людям, мсье де Валуа. Для этого не нужно ничье позволение.

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри меня рушатся стены, которые я годами выстраивал вокруг своего сердца. Эта девушка, эта простая крестьянка, говорила со мной так, как не осмеливался говорить ни один герцог в моем королевстве. Она не знала, кто я, и потому была честна. И эта честность пьянила сильнее любого бургундского вина.

- Вы правы, - сказал я, и сам удивился искренности в своем голосе. - Мои манеры, должно быть, остались в столице. Прошу меня простить.

Она, кажется, не ожидала такого ответа. Ее взгляд смягчился.

- Меня зовут Рашель. Рашель Гренье.

- Рашель, - я повторил ее имя, и оно показалось мне музыкой. - Вы всегда так смелы с незнакомцами?

- Я просто говорю то, что думаю, - она пожала плечами. - Говорить правду - это не смелость, а обычное дело. Или в вашем Париже все иначе?

- Совершенно иначе, - с горечью усмехнулся я. - Там правда - самый редкий и опасный товар.

Мы помолчали. Конь закончил пить, и тишину нарушало лишь пение птиц и журчание воды. Я не хотел уезжать. Мне хотелось стоять здесь, под этой ивой, и говорить с ней о простых вещах. Узнать, о чем она мечтает, что ее радует и печалит.

- У вас добрый конь, - сказала она, протягивая руку и осторожно поглаживая его по бархатной морде. - Устал, бедняга. Вам бы стоило отдохнуть на постоялом дворе в деревне. Мэтр Дюбуа держит неплохую таверну.

- Благодарю за совет, Рашель, - сказал я, не отрывая взгляда от ее руки, такой тонкой и в то же время сильной, крестьянской. - Но мне, увы, пора в путь.

Я лгал снова. Мне никуда не было пора. Но остаться в деревне означало вызвать подозрения. А я хотел вернуться. Я должен был вернуться.

- Что ж, счастливого пути, мсье де Валуа, - она подхватила свое ведро, которое теперь казалось внушительным для ее хрупкой фигуры, и с легкостью устроила его на плече.

- Позвольте, я помогу, - шагнул я к ней.

- Не стоит, - она отступила на шаг, ее взгляд снова стал настороженным. - Я привыкла справляться сама.

Сильная. Независимая. Неунывающая. Она была всем тем, чего мне так не хватало в моем мире фальши.

Я кивнул, принимая ее отказ. Вскочил в седло и, прежде чем тронуть поводья, снова посмотрел на нее.

- Мы еще увидимся, Рашель Гренье.

Она ничего не ответила, лишь проводила меня долгим, задумчивым взглядом своих бездонных глаз.

Отъехав на порядочное расстояние, я обернулся. Она все еще стояла у родника, маленькая фигурка на фоне зеленой листвы. И я понял с пугающей ясностью - я попал в плен. Не в плен заговорщиков или вражеских армий. Я попал в плен к паре черных глаз, которые посмели увидеть во мне не короля, а просто человека. И этот плен был слаще любой свободы. Я вернусь. Не как Бастьен де Валуа. Но я найду способ вернуться к ней. Эта мысль стала моим наваждением, моей новой целью, отодвинув на задний план все интриги Версаля.

Глава 2. Мысли у очага. Рашель

Деревянное коромысло давило на плечи, но я не замечала его привычной ноши. Все мои мысли были там, у родника, рядом с высоким незнакомцем, который уже, верно, скрылся за поворотом дороги. Бастьен де Валуа. Имя звучало красиво, благородно, как шелест дорогой ткани. И сам он был таким же - даже в простом дорожном костюме из темного сукна чувствовалась порода, властность, привычка повелевать.

Я злилась на себя. Зачем я была так дерзка? Матушка всегда учила меня быть учтивой с господами, кланяться ниже, говорить тише. "От их милости зависит наша жизнь, Рашель", - повторяла она. Но что-то в этом мсье де Валуа заставило меня забыть все уроки. Его снисходительный тон, когда он просил разрешения напиться, словно он - король, а родник - его личная собственность, всколыхнул во мне всю крестьянскую гордость. Мы гнем спины на их полях, платим непомерные налоги, чтобы они в своем Париже носили бархат и кружева, а он еще и смотрит на нас так, будто мы пыль у его сапог.

Но потом... потом он извинился. И в его глазах, цвета старого золота с карими искрами, я увидела нечто большее, чем просто вежливость. Удивление. Искренний интерес. Словно он впервые в жизни услышал слово «нет» или просто честное мнение. И этот момент смутил меня куда больше, чем его первоначальное высокомерие.

- Рашель, ты где витаешь? Воду расплещешь! - окликнула меня соседка, мадам Буше, полная, добродушная женщина. - Увидела призрака у родника?

- Хуже, мадам Буше. Заезжего дворянина, - ответила я, стараясь придать голосу безразличие.

Она понимающе цокнула языком.

- Держись от них подальше, дитя. У них слова - мед, а на уме - одно баловство. Поиграют с девичьим сердцем и ускачут обратно в свой Париж, а ты останешься с позором да разбитыми мечтами.

Я знала, что она права. Таких историй в нашей и соседних деревнях было немало. Но все же, образ незнакомца не выходил из головы. Его рост, стройная фигура, руки с длинными аристократическими пальцами, которые так уверенно держали поводья... И этот взгляд. Пронзительный, умный, немного усталый.

Дома меня встретил запах травяного отвара. Матушка снова кашляла, и ее бледное лицо у окна заставило мое сердце сжаться. Я поставила ведра, подошла и укрыла ее плечи шалью.

- Как ты, матушка?

- Все так же, дочка. Лекарство Пьера помогает, но слабость не отпускает, - она улыбнулась мне своей вымученной улыбкой. - Ты долго была. Случилось что?

Я не стала рассказывать ей о встрече. Зачем тревожить? Лишь покачала головой и принялась за работу: разжигать очаг, готовить скудный ужин из похлебки и вчерашнего хлеба.

Мои руки двигались привычно и быстро, а мысли снова и снова возвращались к незнакомцу. "Мы еще увидимся, Рашель Гренье", - сказал он. Пустая фраза, обычная любезность. Или?..

Вечером, когда матушка уже спала, я сидела у окна, штопая свою единственную приличную рубаху. Лунный свет заливал нашу маленькую комнатку, и в его серебристом сиянии я вдруг заметила что-то на полу у порога. Маленький металлический блеск.

Я подошла и подняла находку. Это была запонка. Не простая, оловянная или медная, а из темного серебра, с искусно выгравированной королевской лилией в центре и маленькой буквой "Б" под ней. Я ахнула. Такая вещь стояла, наверное, больше, чем весь наш дом. Должно быть, он обронил ее, когда спешился. Бастьен. Буква "Б".

Сердце заколотилось. Этот человек был не просто небогатым дворянином. Кто он? Придворный? Герцог? Почему он путешествует один, в такой скромной одежде? Вопросов было больше, чем ответов. И эта запонка в моей руке была опасной тайной. Вернуть ее - как? Искать его? Это безумие. Оставить себе... нет, моя совесть этого не позволит. Продать? Мысль обожгла стыдом, хоть деньги и были бы спасением для матушки.

Я крепко сжала холодный металл в ладони. Эта маленькая вещица была связью с ним, с тем миром интриг и роскоши, который я презирала и который, против воли, так манил своей загадочностью. Он сказал, что вернется. И я, к своему ужасу и тайному восторгу, поняла, что буду ждать. Я буду ждать этого высокомерного незнакомца с глазами цвета старого золота, чтобы вернуть ему его тайну и, возможно, еще раз заглянуть в его душу, где, как мне показалось, прячется не только спесь, но и глубокая, всепоглощающая тоска.

А пока... Пока я спрячу эту опасную лилию в свой маленький деревянный ларец, на самое дно, под вышитым платочком - единственным подарком от покойного отца. Пусть эта тайна будет моей. Только моей. И пусть надежда, непрошенная и безрассудная, согревает мое сердце в холодные ночи. Надежда на то, что его обещание не было пустым звуком.

Глава 3. Яд Версаля. Бастьен

Возвращение в Версаль походило на погружение в теплую, стоячую воду после купания в ледяном горном ручье. Сначала она кажется приятной, но вскоре начинаешь понимать, что в ней нет жизни, нет движения, и она медленно, но верно вытягивает из тебя все силы. Позолоченное удушье дворца встретило меня запахами воска, духов и застарелых интриг. Едва я успел сменить дорожный костюм на подобающий моему сану бархат, как меня окружили.

- Сир, петиция от нормандских ткачей!

- Ваше Величество, испанский посол требует аудиенции!

- Герцог де Шеврез высказал недовольство по поводу назначения нового интенданта...

Слова вились вокруг меня, словно назойливые мухи. Я слушал, кивал, отдавал распоряжения, но мысли мои были далеко, под сенью старой ивы у безымянной деревушки. Образ Рашель, ее прямой, не знающий страха взгляд, ее голос, чистый и звонкий, стояли перед моими глазами, заслоняя напудренные лица придворных. Там, у родника, я был просто человеком. Здесь я снова был функцией, символом, мишенью для лести и заговоров.

Весь следующий день я провел в ловушке Малого совета. Мы обсуждали цены на зерно. Герцог д'Омон, чьи земли страдали от засухи, требовал поднять закупочные цены, что неминуемо привело бы к голодным бунтам в Париже. Маркиз де Кастри, мой министр финансов, с ледяным спокойствием доказывал обратное, подкрепляя слова столбиками цифр. Их словесная дуэль была изощренной и жестокой, каждое слово имело двойное дно, каждый аргумент был направлен не на благо Франции, а на укрепление собственной власти и ослабление противника. Я сидел во главе стола и чувствовал, как меня засасывает это болото.

- Мы вернемся к этому вопросу завтра, господа, - произнес я наконец, прерывая их на полуслове. - А послезавтра я желаю устроить охоту в лесах близ Компьень. Оповестите егерей.

В зале повисла недоуменная тишина. Охота не была запланирована. Но слово короля - закон. Придворные склонили головы, скрывая за маской почтения свое недовольство и любопытство. Я знал, о чем они шепчутся за моей спиной: "Король снова ищет развлечений, когда в стране дела идут из рук вон плохо". Пусть шепчутся. Их мнение волновало меня меньше, чем полет бабочки над лугом. Мой план созрел. Деревушка Рашель находилась всего в нескольких лье от королевских охотничьих угодий.

Два дня я терпел. Два дня я был образцовым монархом, вникая в доклады, подписывая указы и принимая послов. Но каждую ночь мне снились темные глаза и насмешливая улыбка. Я просыпался с колотящимся сердцем и ощущением невыносимой потери. Это было безумие. Я, король Франции, потерял покой из-за простой крестьянки, с которой обменялся всего парой десятков фраз. Но это безумие было единственным, что заставляло меня чувствовать себя живым.

В день охоты я был на ногах еще до рассвета. Воздух был прохладным и влажным, пахло прелой листвой и предвкушением погони. Свита была огромной: десятки дворян в алых костю-

мах, своры собак, егеря, слуги. Фанфары трубили, кони нетерпеливо били копытами. Я разыгрывал свою роль с воодушевлением, громко отдавая приказы и смеясь шуткам герцога де Гиза.

Когда погоня за оленем была в самом разгаре, я воспользовался моментом. Увлечшись преследованием, я намеренно отделился от основной группы, направив своего жеребца в густую дубовую рощу. Несколько верных гвардейцев попытались последовать за мной, но я резким жестом приказал им оставаться на месте.

- Я желаю побыть один! - отдал я приказ через плечо. - Догоню вас у старого дуба через час!

И я поскакал прочь, не разбирая дороги, уносясь от звуков охотничьих рогов, от криков и лая собак, от всего моего мира. Сердце стучало в груди, как пойманная птица. Я ехал по памяти, ориентируясь по солнцу. И вот, наконец, знакомый изгиб ручья, а за ним - крыши домов, утопающие в зелени.

Я оставил коня в роще, привязав его к дереву, а сам пошел пешком. Я не хотел снова появляться у родника, это было бы слишком очевидно. Я просто бродил по опушке леса, вдыхая ароматы трав, и надеялся. Надеялся на чудо.

И чудо произошло.

Я увидел ее на небольшой поляне, залитой солнцем. Она собирала какие-то травы в плетеную корзину. На ней была та же простая одежда, волосы растрепались, и несколько прядей упали на лицо. Она была так поглощена своим занятием, что не заметила меня. Наклонившись за цветком, она что-то тихо напевала себе под нос - простую, незамысловатую мелодию, которая показалась мне прекраснее любой арии, что я слышал в Королевской опере.

Я стоял и смотрел, боясь спугнуть это видение. Но сердце предательски забилось громче, и я шагнул вперед, хрустнув веткой.

Она вскинула голову, как испуганная лань. Увидев меня, замерла, и в ее темных глазах на мгновение мелькнул страх, который тут же сменился удивлением и... легким раздражением. Она выпрямилась, и я снова увидел в ней ту гордую, независимую девушку, которая так поразила меня.

- Мсье де Валуа, - произнесла она ровно, без тени кокетства или радости. - Какие ветра занесли вас снова в наши края? Или вы заблудились по дороге в Руан?

Ее слова были колкими, как шипы дикой розы. Она не забыла моей лжи.

- Я не заблудился, Рашель, - ответил я, подходя ближе. - Я приехал на королевскую охоту.

Я видел, как она окинула взглядом мой охотничий костюм - из тонкого зеленого сукна, с серебряными пуговицами, он был куда богаче моего прошлого наряда. Ее губы сжались еще плотнее.

- Охота. Конечно. Развлечение для благородных господ, - в ее голосе звенел металл. - Пока мы работаем от зари до зари, чтобы заплатить налоги на содержание вашего двора и ваших охот, вы гоняетесь по нашим лесам за оленями.

Это был прямой удар. Обвинение, брошенное в лицо не мнимому Бастьену де Валуа, а мне, королю. И от этого оно было еще больнее и правдивее. Гнев всколыхнулся во мне - холодный, властный, привычный. Как она смеет? Кто она такая, чтобы судить меня?

- Вы слишком много на себя берете, мадемуазель, - сказал я ледяным тоном, делая еще шаг. Я возвышался над ней, и тень моя падала на нее, но она даже не моргнула. - Вы ничего не знаете ни обо мне, ни о моих обязанностях.

- Я знаю достаточно, - парировала она, глядя мне прямо в глаза. - Я вижу, как живут мои соседи. Я вижу, как болеет моя мать, потому что у нас нет денег на хорошего лекаря. И я вижу вас - сытого, праздного дворянина, для которого жизнь - это лишь череда удовольствий.

Мы стояли так близко, что я мог видеть золотистые крапинки в ее темных глазах и чувствовать тонкий аромат полевых цветов, исходивший от ее волос. Ярость боролась во мне с иным, куда более сильным и опасным чувством. Желанием. Желанием сорвать с ее губ эти дерзкие слова поцелуем, сломить ее гордость, заставить ее признать мою власть.

- Вы ошибаетесь, - прошептал я, сам не узнавая своего голоса. - Вы ничего обо мне не знаете.

Я протянул руку и коснулся пряди ее волос, выбившейся из косы. Она была мягкой, словно шелк. Рашель вздрогнула, но не отстранилась. Ее дыхание стало прерывистым. Напряжение между нами можно было резать ножом. В этот миг не было ни короля, ни крестьянки. Были только мужчина и женщина на лесной поляне, охваченные бурей эмоций, которые они не могли ни понять, ни контролировать.

- Почему вы вернулись? - спросила она так же тихо, и в ее голосе уже не было прежней враждебности, лишь растерянность.

- Я не знаю, - солгал я. Я прекрасно знал. Я вернулся за этим ощущением. За плотком правды, пусть и горькой. За возможностью снова увидеть ее глаза. - Я... хотел убедиться, что вы в порядке.

Она горько усмехнулась.

- Я всегда в порядке, мсье. Я привыкла справляться сама.

Она повторила свои слова, сказанные при первой встрече. И в этот раз они прозвучали как вызов. Она отступила на шаг, разрывая наше шаткое перемирие.

- Вам пора возвращаться к своим друзьям-охотникам. Они, верно, уже потеряли вас.

Она была права. Но мысль о возвращении в мир лжи и этикета была невыносима.

- Я вернусь снова, Рашель, - сказал я твердо. Это было не обещание. Это была клятва.

Она ничего не ответила, лишь подхватила свою корзину и, не оборачиваясь, пошла в сторону деревни. Я смотрел ей вслед, на ее гордую осанку, на развевающиеся на ветру волосы.

Когда ее фигурка скрылась за деревьями, я машинально провел рукой по манжете своего камзола. И замер. Сердце пропустило удар. На правом рукаве не хватало запонки. Той самой, из темного серебра, с королевской лилией и моим вензелем. Я судорожно обыскал карманы, оглядел землю вокруг. Ее нигде не было.

Холодный пот выступил у меня на лбу. Я мог потерять ее где угодно. Но что, если... что, если я обронил ее в прошлый раз, у родника? Что, если ее нашла она? Мысль была настолько ужасающей, что на мгновение перехватило дыхание. Эта маленькая вещица - прямое доказательство того, кто я. В ее руках моя тайна, моя свобода, а возможно, и моя жизнь.

Моя вылазка за глотком свежего воздуха обернулась смертельно опасной игрой. И теперь я был привязан к этой девушке не только наваждением, но и страхом. Я должен был вернуться. Не просто потому, что хотел. А потому, что был обязан.

Глава 4. Обещание у костра. Рашель

Мои ноги несли меня прочь от поляны, но душа, казалось, осталась там, под пристальным взглядом его золотисто-карих глаз. Сердце колотилось о ребра так сильно, что отдавалось в ушах, заглушая пение птиц и шелест листвы. Гнев - холодный, праведный гнев на его праздность и высокомерие - боролся во мне со странным, пугающим трепетом, который остался на моей коже после его мимолетного прикосновения к волосам.

Как он посмел? Явился сюда, в своем щегольском охотничьем костюме, словно хозяин не только этого леса, но и моей жизни. И как посмела я? Застыть под его взглядом, позволить этому жару, этой непонятной слабости пробежать по моим жилам. Я сжимала ручку корзины так, что костяшки пальцев побелели. Я злилась на него за его мир, полный роскоши и безделья, и еще больше злилась на себя за то, что этот мир, воплощенный в одном человеке, так неодолимо меня притягивал.

- Рашель, дитя мое, что с тобой? Ты бела как полотно, - встретила меня матушка у порога. Ее обеспокоенный взгляд был острее любого кинжала.

- Ничего, матушка, просто... солнце напекло голову, - солгала я, ставя корзину с травами на стол. - Смотри, я нашла зверобой и ромашку. Заварим тебе от кашля.

Я принялась за работу, двигаясь по нашей тесной комнатке с лихорадочной поспешностью. Мне нужно было занять руки, чтобы унять дрожь в мыслях. Но его образ стоял передо мной: высокий, властный, и эта тень тоски в глубине его глаз, которую он так тщетно пытался скрыть за маской аристократической спеси. "Вы ничего обо мне не знаете", - сказал он. И, к моему стыду, я поняла, что отчаянно хочу узнать.

Вечером, когда матушка уснула под действием теплого отвара, я достала из своего ларца его запонку. В тусклом свете свечи темное серебро отливало лунным блеском. Я провела пальцем по изящной гравировке — королевская лилия и эта загадочная буква "Б". Бастьен. Эта вещь была частью его мира. Она была гладкой, идеально выполненной, в ней чувствовалась рука мастера и цена, которую мне было страшно даже представить. А еще в ней чувствовалась его сила.

Что мне с ней делать? Вернуть? Но как? Ждать его снова? Одна мысль об этом заставляла мое сердце замирать от смеси страха и предвкушения. Эта запонка была опасностью. Она была тайной, которая связывала меня с ним прочнее, чем любая цепь.

Следующие несколько дней прошли в тумане. Я работала в огороде, ухаживала за матерью, ходила на рынок, но все было словно во сне. Деревенская жизнь с ее простыми заботами казалась пресной и бесцветной по сравнению с той бурей, что он пробудил во мне.

В воскресенье после мессы, на рыночной площади, ко мне подошел Жак, сын нашего кузнеца. Высокий, широкоплечий парень с добрыми голубыми глазами и руками, почерневшими от работы. Он был полной противоположностью Бастьену - простой, понятный, надежный, как земля под ногами.

- Рашель, - начал он, смущенно переминаясь с ноги на ногу. - Я слышал, на следующей неделе будет праздник летнего солнцестояния, Фете де ла Сен-Жан. Будут костры, музыка... Я хотел спросить, не пойдешь ли ты со мной?

Сердце сжалось. Еще месяц назад я была бы счастлива услышать эти слова. Жак - хорошая партия. Честный труженик, уважаемый в деревне. Матушка была бы рада. Это был мой мир, моя правильная, предначертанная судьба.

Но я колебалась. Перед глазами встало лицо другого - с аристократическими чертами и глазами цвета старого золота.

- Я... я не знаю, Жак, - пролепетала я. - Матушка нездорова, я не могу оставить ее одну надолго.

- Мы не уйдем далеко. Просто посидим у костра, послушаем скрипку старого Антуана, - он смотрел с такой искренней надеждой, что мне стало стыдно за свои мысли. - Пожалуйста, Рашель.

Я видела, как за нами наблюдают соседки, их любопытные взгляды были почти осязаемы. Отказать Жаку - значит дать пищу для сплетен на целую неделю.

- Хорошо, Жак, - выдавила я из себя улыбку. - Я пойду.

Он просиял, и на мгновение я почувствовала укол вины. Я дала ему надежду, но мое сердце было далеко от этой площади, оно было на лесной поляне, в плену у незнакомца, которого я должна была бы ненавидеть.

Возвращаясь домой, я крепко сжимала в кармане юбки серебряную запонку, завернутую в платочек. Она казалась холодным, тяжелым камнем. Я согласилась пойти на праздник с Жаком, я сделала шаг в сторону своей обычной жизни. Но почему-то мне казалось, что я просто пытаюсь обмануть судьбу. И что шепот в ивовых ветвях, обещавший новую встречу, был куда сильнее голоса разума и деревенских традиций.

Глава 5. Деликатное поручение. Бастьен

Воздух Версаля после чистого лесного дыхания казался спертым и тяжелым, словно воздух в гробнице. Каждый шаг по натертым до зеркального блеска полам отдавался в голове гулким эхом, напоминая о пустоте моего существования. Я вернулся с охоты, но настоящая дичь ускользнула. Более того, я сам оказался в ловушке, и ключ от нее - маленький кусочек серебра - был в руках крестьянской девушки с глазами цвета ночи.

Мысль о потерянной запонке жгла меня изнутри. Это была не просто неосторожность. Это была катастрофа. В руках врага - а врагов у меня было больше, чем друзей, - этот вензель мог стать оружием. Он мог породить слухи, которые подорвали бы авторитет короны. "Король тайно встречается с простолюдинкой", "У монарха есть тайная жизнь, полная распутства", "Он пренебрегает делами государства ради низменных утех". Герцог Орлеанский, мой вечный соперник, заплатил бы целое состояние за такую пикантную подробность моей жизни. Он бы обернул ее в бархат клеветы и подал бы каждому двору Европы.

Я провел бессонную ночь, расхаживая по своим покоям. Атласные драпировки на окнах казались занавесом в театре абсурда, где я играл главную, но самую несчастную роль. Образ Рашель преследовал меня. Ее гневные, полные презрения слова звучали в ушах громче любого придворного оркестра. «Сытый, праздный дворянин». Она бросила мне в лицо правду, которую никто не осмеливался произнести. И эта правда, как ни странно, не унижала. Она отрезвляла.

Впервые за долгие годы я посмотрел на себя ее глазами. И увидел не всемогущего монарха, а мужчину тридцати одного года, уставшего от лжи, одинокого в толпе, жаждущего чего-то настоящего. И это настоящее носило имя Рашель. Мое наваждение ею переросло в нечто большее. Теперь это была не просто прихоть, а необходимость. Я должен был вернуть не только запонку. Я должен был вернуть ее уважение. Доказать ей - и себе, - что я не тот, кем она меня считает.

На утро я вызвал к себе Анри. Старый камердинер вошел бесшумно, его лицо, как всегда, было непроницаемой маской.

- Сир, вы звали?

- Да, Анри, - я стоял у окна, глядя на безупречные сады Ленотра. - У меня к тебе поручение. Деликатное. Никто, кроме тебя, не должен о нем знать.

- Я слушаю, Ваше Величество.

Я обернулся и посмотрел ему в глаза.

- Несколько дней назад, во время моей... отлучки, я обронил одну вещь. Запонку. Из темного серебра, с моим вензелем. Это случилось в небольшой деревне к северу от Компьенского леса.

Анри даже бровью не повел, но я знал, что он все понял. Он понял и серьезность ситуации, и то, что за этой потерей стоит нечто большее.

- Я хочу, чтобы ты поехал туда, - продолжил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. - Оденься как приказчик или торговец сукном. Расспроси людей в таверне, у церкви. Скажи, что твой господин потерял памятную вещицу и предлагает щедрое вознаграждение нашедшему. Десять луидоров.

Сумма была огромной для крестьян. За такие деньги можно было купить корову или прожить безбедно почти год. Я намеренно назвал ее. Это была проверка. Проверка для Рашель. Если запонка у нее, продаст ли она ее за такое состояние? Отдаст ли чужаку за деньги, которые могут спасти ее больную мать? Часть меня, циничная и испорченная Версалем, была уверена, что продаст. Но другая, та, что проснулась у родника, отчаянно надеялась, что нет.

- А если... нашедший не захочет отдавать ее чужаку? - осторожно спросил Анри.

- Тогда ты опишешь своего "господина". Скажешь, что его зовут Бастьен де Валуа, и он вернется за своей вещью сам, как только позволят дела. И вознаградит лично.

Это был мой главный гамбит. Я давал ей выбор: деньги сейчас или встреча со мной потом. Я ставил на кон все - свою безопасность, свое сердце - на ее порядочность.

- Я все понял, сир, - кивнул Анри. - Я отправлюсь немедленно.

Когда он ушел, я почувствовал себя опустошенным. Судьба моя теперь была в руках старика-слуги и упрямой деревенской девушки.

Остаток дня я провел, как в бреду. Я председательствовал на заседании Академии, выслушивая нудный доклад о влиянии римской поэзии на современную драму. Я улыбался маркизе де Помпадур, чей острый ум и еще более острый язык держали в страхе половину двора. Я играл в шахматы с кардиналом де Роганом, поддаваясь ему, чтобы не выдать своего волнения. Все это было лишь декорацией. Настоящая жизнь, настоящая драма разыгрывалась сейчас в маленькой деревне, где мой верный Анри искал ключ к моему будущему.

Вечером, оставшись один, я подошел к огромной карте Франции, висевшей в моем кабинете. Я нашел Компьенский лес и долго водил пальцем по его окрестностям, пытаясь угадать, где именно находится ее деревня, ее дом, ее мир.

Я, Бастьен Орлеанский, король, готовый бросить вызов аристократии и вековым устоям, оказался бессилен перед одной простой девушкой. Я мог послать армии, чтобы завоевать провинцию, но не мог просто приехать и потребовать вернуть то, что принадлежит мне по праву. Потому что на кону было нечто большее, чем серебро и власть. На кону было ее доверие. А завоевать его было сложнее, чем любую крепость.

Глава 6. Испытание золотом. Рашель

Дни тянулись, как густой мед, каждый похож на предыдущий. Я ухаживала за матушкой, чей кашель становился все глубже, работала в огороде до боли в спине и готовилась к празднику летнего солнцестояния с тяжелым сердцем. Мысль о том, что я дала слово Жаку, лежала камнем на душе. Он был добр и честен, он смотрел на меня с такой открытой надеждой, а я... я была лгуньей. Мои мысли принадлежали другому, высокомерному незнакомцу, чей образ я тщетно пыталась изгнать из головы.

Однажды, возвращаясь с рынка, я услышала в нашей единственной таверне "Резвый кабан" необычный гул. Обычно там в это время сидели лишь пара стариков, cedящих дешевое вино. Сегодня же там собралась целая толпа, и все гудели, как растревоженный улей. Любопытство взяло верх, и я заглянула внутрь.

В центре зала, у очага, стоял незнакомец. Он не был похож на наших крестьян или заезжих торговцев. Одет он был просто, но добротно, в камзол из качественного темного сукна. Его осанка была прямой, а взгляд спокойных серых глаз - внимательным и умным. Он не был аристократом, как Бастьен, но и простым человеком его было не назвать. Скорее, управляющий или доверенное лицо какого-то важного господина.

- ...и мой господин предлагает щедрое вознаграждение, - говорил он ровным, хорошо поставленным голосом, перекрывая шум. - Десять золотых луидоров тому, кто вернет ему утерянную вещь.

При этих словах по таверне пронесся вздох изумления. Десять луидоров! За эти деньги можно было купить небольшой дом! Даже мэтр Дюбуа, хозяин таверны, вытер руки о фартук и подался вперед, не скрывая алчного блеска в глазах.

- А что за вещь-то такая, мсье? - выкрикнул кто-то из толпы.

- Серебряная запонка, - ответил незнакомец. - С выгравированной на ней лилией и буквой "Б". Мой господин очень дорожит ею как памятью.

Мое сердце рухнуло куда-то в пятки, и в ушах зазвенело. Его запонка. Он ищет ее. И он предлагает за нее целое состояние.

Мысли в моей голове закружились в бешеном хороводе. Десять луидоров. Я представила себе лучшего лекаря из города у постели матушки. Представила теплую шаль для нее на зиму, мясо на столе, новую крышу для нашего ветхого дома. Спасение. Оно было так близко, лежало в моем ларце, холодное и серебряное. Мне нужно было лишь выйти вперед, протянуть руку и сказать: "Она у меня". Это было бы правильно. Это было бы разумно.

Но я не могла.

Я видела перед собой его лицо. Глаза цвета старого золота. "Мы еще увидимся, Рашель Гренье". Это было обещание. А если я возьму деньги, что тогда? Я стану в его глазах такой же, как и все. Продажной. Алчной. Той, что готова променять тайну и честь на звон монет.

Презрение, которое я увидела бы в его взгляде, было бы страшнее любой нищеты. Нет. Я не могла.

Я выскользнула из таверны, пока никто не обратил на меня внимания, и спряталась за углом, пытаясь унять дрожь. Я должна была поговорить с этим человеком, но не на глазах у всей деревни. Я дождалась, когда он выйдет. Он недолго осматривался на площади, словно ожидая чего-то, а затем направился к своей лошади, привязанной у коновязи.

- Мсье! - окликнула я его, шагнув из-за угла.

Он обернулся. Его лицо осталось совершенно спокойным, но взгляд стал острее.

- Мадемуазель?

- Я слышала, что вы ищете, - сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. - Я хочу задать вам один вопрос. Почему ваш господин не приехал сам?

Он на мгновение задумался, оценивая меня.

- У моего господина неотложные дела, которые держат его в столице. Но эта вещь, как я уже сказал, очень ему дорога.

- Она дорога ему настолько, что он готов заплатить за нее десять луидоров? - я смотрела ему прямо в глаза. Я должна была понять. Это просто вещь? Или это нечто большее?

- Мой господин щедр, - уклончиво ответил он.

Я сделала глубокий вдох. Решение было принято.

- Передайте вашему господину... - я понизила голос до шепота, - ...что его собственность в сохранности. И она не продается.

Серые глаза незнакомца чуть расширились от удивления. Он явно не ожидал такого ответа.

- Но, мадемуазель, вознаграждение...

- Мне не нужно его вознаграждение, - отрезала я. Моя крестьянская гордость, которую он когда-то уязвил, теперь стала моей броней. - Передайте ему, что я не воровка и не торговка. Если вещь ему так дорога, пусть заберет ее сам. Как и обещал.

Я развернулась, чтобы уйти, но его голос остановил меня.

- Мой господин велел мне сказать, - произнес он медленно, словно цитируя, - если нашедший окажется человеком чести и откажется от денег... Что его зовут Бастьен де Валуа. И он вернется за своей вещью сам, как только позволят дела. И вознаградит нашедшего лично.

Я замерла, не оборачиваясь. Он знал. Он предвидел, что я могу отказаться. Он играл со мной, проверял меня. И я, сама того не ведая, прошла его испытание. От этой мысли по телу пробежали мурашки - смесь негодования и странного, пьянящего триумфа.

Не сказав больше ни слова, я пошла прочь, чувствуя на спине его внимательный взгляд. Я не знала, кем был этот Бастьен де Валуа на самом деле. Но я знала одно: наша история еще не окончена. И следующая встреча будет совсем другой. Я верну ему его запонку, но я заставлю его посмотреть на меня не как на деревенскую простушку, а как на равную.

Глава 7. Рубиновый свет в хрустале. Бастьен

Ожидание было пыткой. Два дня, пока Анри был в отъезде, я существовал, а не жил. Я проводил советы, принимал послов, даже улыбался на балу у герцогини де Полиньяк, но все это было лишь игрой теней на стене. Моя реальность сузилась до одной точки на карте, до одной мысли: что ответит она? Каждое мгновение я представлял себе худшее: она взяла деньги и посмеялась над наивным господином; она испугалась и выбросила запонку в реку; она рассказала все деревенскому кюре, и теперь весть о моем инкогнито ползет к Парижу, как змея.

Когда Анри наконец вернулся и вошел в мой кабинет, я едва сумел сохранить внешнее спокойствие. Я стоял спиной к нему, разглядывая бюст Цезаря, и лишь побелевшие костяшки пальцев, сжимавших край стола, выдавали мое напряжение.

- Говори, - приказал я, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо и чуждо.

- Я сделал все, как вы велели, сир, - начал Анри своим ровным, бесстрастным тоном. - Объявил о пропаже и вознаграждении в местной таверне. Интерес был велик, но никто не вышел вперед.

Я медленно обернулся. Мое сердце замерло. Значит, запонка утеряна навсегда.

- Однако, - продолжил Анри, и я впился в него взглядом, - когда я собирался уезжать, ко мне подошла молодая особа. Рашель Гренье.

Имя, произнесенное в этих стенах, прозвучало как выстрел. Я сделал шаг к нему.

- И? Она взяла деньги?

- Нет, Ваше Величество. Она отказалась.

Слова Анри обрушились на меня, как лавина. Не может быть. В мире, где за горсть золота брат предает брата, а жена - мужа, где я сам покупал верность и молчание, она, нищая крестьянка с больной матерью, отказалась от целого состояния.

- Что она сказала? - прошептал я. - Говори дословно.

- Она сказала: "Передайте вашему господину, что его собственность в сохранности. И она не продается". А затем добавила: "Если вещь ему так дорога, пусть заберет ее сам. Как и обещал"

Я закрыл глаза. Я слышал ее голос в словах Анри - гордый, нестигаемый, полный тихого достоинства. Она не просто отказалась от денег. Она бросила мне вызов. Она напомнила о моем обещании. Она поставила свою честь выше своего благополучия. В этот миг мое наваждение ею, моя страсть, мое любопытство - все это переплавилось в нечто иное, более глубокое и опасное. В уважение.

- Я передал ей вторую часть вашего сообщения, сир, - закончил Анри. - О том, что мсье де Валуа вернется лично. Она ничего не ответила, но я уверен, она поняла. Поняла, что это было испытание.

Я открыл глаза. Все сомнения, вся моя версальская желчь и цинизм отступили. Осталась лишь одна ослепительная ясность.

- Ее мать... она действительно больна? - спросил я, мой голос был уже твердым.

- Да, сир. В деревне говорят, у нее чахотка. Без хорошего лекаря и ухода она долго не протянет. Тем поразительнее был ее поступок.

Поразительнее. Это было не то слово. Ее поступок был... невозможен. Он рушил все мои представления о человеческой природе. Она пожертвовала шансом на спасение матери ради... чего? Ради своей гордости? Или ради веры в меня, в того незнакомца, которого она видела всего дважды в жизни?

Я подошел к столу и налил себе бокал вина, но не выпил, а лишь смотрел на рубиновую игру света в хрустале. Моя игра зашла слишком далеко. Я хотел лишь развлечься, сбежать от скуки, но нашел то, что не искал - подлинность. И эта подлинность требовала от меня ответного шага.

- Анри, - сказал я, ставя бокал. Решение пришло мгновенно, ясное и неоспоримое. - Ты снова поедешь. Но не один.

- Сир?

- Найди в Париже лучшего лекаря. Не придворного болтуна, а настоящего целителя. Мсье Луи или кого-то вроде него. Объясни ему, что его услуги потребуются для одного знатного господина в загородном поместье. Заплати ему столько, чтобы он молчал и задавал как можно меньше вопросов. Завтра на рассвете вы выедете из Парижа.

Анри смотрел на меня, и впервые за долгие годы службы я увидел в его глазах не только преданность, но и теплое одобрение.

- И еще, Анри. Возьми с собой несколько тюков лучшего лионского шелка, теплой шерсти и... да, привези из королевских оранжерей корзину апельсинов.

Я не собирался больше играть в Бастьена де Валуа. Я собирался использовать свою власть - не для того, чтобы повелевать, а для того, чтобы спасти. Я не мог вернуть ей здоровье матери одним лишь своим желанием, но я мог дать ей шанс. Это будет мой ответ на ее вызов. Не золото, а забота. Не снисхождение, а участие.

Мое наваждение носило имя Рашель. И я собирался погрузиться в него с головой, рискуя всем: короной, репутацией, душевным покоем. Потому что впервые за многие годы я почувствовал, что мой королевский выбор - это не только о власти над Францией, но и о власти над собственной судьбой. А моя судьба теперь была неразрывно связана с упрямой девушкой, чья честь оказалась дороже королевского золота.

Глава 8. Апельсины и горечь. Рашель

Праздник летнего солнцестояния, Фете де ла Сен-Жан, приближался, как неотвратимая гроза. Вся деревня готовилась к нему: девушки плели венки из полевых цветов, парни собирали хворост для огромного костра, который должны были зажечь на главной площади. Воздух был пропитан запахом трав, смешанным с предвкушением веселья. Все, казалось, радовались, и только мое сердце было полно смуты. Я дала слово Жаку, и теперь должна была провести этот вечер с ним, улыбаться его незамысловатым шуткам и, возможно, позволить ему взять меня за руку во время танцев. От одной этой мысли мне становилось тоскливо.

В день праздника матушке стало хуже. Ее кашель разрывал грудь, а на щеках горел лихорадочный румянец. Я сидела у ее постели, обтирая ей лоб прохладной тряпицей, и чувствовала, как во мне закипает глухое отчаяние. Мой отказ от десяти луидоров, который еще вчера казался мне актом гордости и чести, сегодня выглядел как непростительная глупость. Что толку в моей гордости, если я не могу купить для матери даже самого простого лекарства?

Вечером, когда солнце начало клониться к закату, в нашу дверь постучали. Я решила, что это Жак, и сердце мое упало. Я совсем не была готова к веселью. С тяжелым вздохом я открыла дверь и замерла.

На пороге стоял не Жак. Там стоял тот самый незнакомец, посланник Бастьена де Валуа, с непроницаемым лицом и спокойными серыми глазами. А за его спиной я увидела крытую повозку и еще одного человека - пожилого, в строгом черном костюме, с умным и внимательным лицом.

- Мадемуазель Гренье, - произнес посланник ровным тоном. - Мой господин, мсье де Валуа, узнал о болезни вашей матушки. Он просил меня сопроводить к вам мсье Луи, лекаря из Парижа.

Я смотрела на них, не в силах вымолвить ни слова. Лекарь. Из Парижа. Это было так же невероятно, как если бы с неба посыпались золотые монеты. Мой разум отказывался это принять. Зачем? Зачем ему это?

- Я... я не понимаю, - пролепетала я. - Мы не можем заплатить...

- О плате не беспокойтесь, - мягко, но властно прервал меня лекарь, делая шаг вперед. - Позвольте мне осмотреть больную. Время дорого.

Я отступила, пропуская их в нашу убогую комнатку. Мсье Луи подошел к постели матушки, его движения были уверенными и спокойными. Он начал задавать вопросы, слушать ее дыхание, осматривать ее. А я стояла, как вкопанная, глядя на второго гостя. Он, не говоря ни слова, вышел и вернулся с двумя тяжелыми тюками и большой корзиной.

- Это также от мсье де Валуа, - сказал он, ставя свою ношу на пол.

Я развязала один из тюков. Мои пальцы коснулись чего-то невероятно гладкого и прохладного. Шелк. Настоящий лионский шелк цвета васильков. В другом тюке была тончайшая

шерсть, мягкая, как пух. А в корзине, источая дивный, незнакомый аромат, лежали апельсины - плоды, которые я видела лишь на картинках в церковной книге.

Слезы застилали мне глаза. Это было слишком. Слишком щедро. Слишком... унижительно. Он не дал мне денег, нет. Он дал мне милостыню. Роскошную, дорогую, но все же милостыню. Он словно говорил: "Я знаю, что ты бедна и горда, так вот, я все равно куплю твое благорасположение, но сделаю это красиво". Гнев, горячий и горький, поднялся во мне, вытесняя первую растерянность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.